

A painting of a wooden structure, possibly a fence or a small building, made of weathered, greyish-brown logs and planks. The structure is situated in a lush green field filled with tall grass and numerous small red flowers. The overall scene is bathed in a soft, natural light, creating a serene and somewhat melancholic atmosphere. The text is overlaid on the upper portion of the image.

Юлия Петрова

Солёное имя

Юлия Петрова

Солёное имя

«Издательские решения»

Петрова Ю.

Солёное имя / Ю. Петрова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968660-2

Действие разворачивается в маленькой стране в городе на берегу моря в конце прошлого века. В пятикомнатной квартире живут шестилетняя Соле с бабушкой, дедушкой и тетей, а также три пожилых постояльца, которые снимают у семьи комнаты. Зимой вселяется молодой аспирант Акель. Книга рассказывает о последнем годе Соле в мире детства. Встречи и приключения, которые случаются с Соле, складываются в цепь событий, которые приводят Соле к неизбежному и раннему взрослению, меняют ее навсегда.#

ISBN 978-5-44-968660-2

© Петрова Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Солёное имя

Юлия Петрова

Художник Ана Муньёз

© Юлия Петрова, 2019

ISBN 978-5-4496-8660-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Эта книга для тех,
кому пришлось рано повзрослеть.*

*Эта книга для взрослых,
чтобы они вспомнили детство.*

*Эта книга для тех,
кому пришлось покинуть родные края.*

Посвящается моим дорогим бабулям Алине и Свете...

Глава 1

Солёное имя

Я возвращаюсь в Город поздним вечером. Вокзал затих и погрузился в сон. Механический голос сообщает, что поездов больше не будет. Стою на перроне и с замиранием сердца вслушиваюсь в тишину станции. Дежавю или воспоминания?

Был такой же поздний вечер. Вокзал ждал, затаив дыхание. Волнение звенело в воздухе, пока не обратилось в резкие уверенные шаги. Они набирали силу из самой глубины, переходя на лёгкий бег, пока не смолкли у выхода на платформу так же неожиданно, как и возникли.

– Простите, я опоздала, – начали извиняться шаги.

Они приблизились и превратились в бардовые туфли на низком каблуке. Цвет давно поблек, краска облупилась на носках. Туфли остановились у детских ножек, обутое в башмачки на плотной подошве, и развернулись заострёнными носками к начищенным до блеска мужским ботинкам.

– Добрый вечер, – мягко ответил мужской голос, принимая извинения. – На самом деле мы сами только что приехали.

– Мне позвонили три часа назад и сказали, что сопровождающий с ребёнком придут ночным поездом. У меня не осталось времени, чтобы найти машину, – устало оправдывался женский голос. – Нам придётся переночевать в гостинице. Утром вы сядете в первый поезд, а мы на первый автобус.

Женщина устремила потёртые носки к детским башмачкам и впервые внимательно посмотрела на ребёнка трёх лет. —

– Ну, здравствуй, Сбле! Меня зовут Сервёрера, я твоя бабушка. Теперь ты будешь жить со мной, дедушкой Атúром и тётей Паломой.

Девочка оторвала взгляд от обуви и посмотрела вверх, запрокидывая голову назад. Над ней высилась пожилая женщина с усталым, но строгим взглядом. Девочка ничего не ответила, а лишь крепче сжала руку мужчины.

– Ну, Соле, – мягко сказал он, – поздоровайся с бабушкой. Я тебе про неё рассказывал, помнишь?

Соле упрямо молчала, а для пущей верности засунула пальцы в рот и спряталась за мужчину.

– Соле, не бери руки в рот, – и мужчина опустил на корточки. Осторожно убрал Солину ладошку от лица и принялся вытирать слюнявые пальцы платком.

Взгляд Соле снова встретился с взглядом женщины. На женщину смотрели её собственные светлые глаза, переданные когда-то в наследство сыну, а от него – внучке. Она кивнула себе, убеждаясь в чём-то, и строгость в морщинах сменилась беспокойством.

– Нам пора, – обречённо сказала женщина.

Я задерживаюсь на перроне, пытаюсь расслышать стук шагов. Что-то стучит глухо в глубине, или бьётся собственное сердце? Ещё одну минутку! Показалось. Я выхожу на улицу. Помнится, рядом была гостиница. Решаю проверить догадку и направляюсь туда.

Пока женщина вела сопровождающего и Соле к гостинице, пришла ночная свежесть и влага захрустела под ногами. Соле оживилась и начала вертеть головой по сторонам, пытаясь разглядеть очертания домов и массивный фасад гостиницы.

В холле женщина попросила мужчину и Соле подождать, а сама исчезла в коридорах отеля. Холл казался огромным. Вверх уходила широкая лестница, укрытая красным ковром.

Под потолком она раздваивалась и походила на изломанное дерево. Дорогое убранство давило на Соле. Гнетущее чувство, прежде неизвестное, навалилось всей тяжестью. Этот город, вокзал, влажный и вязкий воздух – всё слилось в общее впечатление чуждости места и людей, претендующих на близость. Соле стало страшно и захотелось уйти, но тут появилась пожилая женщина с ключом в ладони.

– Нам дали один номер. Думаю, разместимся, – сказала она.

– Я не хочу здесь спать, – возразила Соле своему спутнику.

Тот не успел ответить, как Сервёра остановилась на две ступеньки выше и очень резко произнесла:

– Ещё как будешь! И отныне будешь слушаться, – она сделала внушительную паузу и добавила: – Меня, дедушку и Палому!

– Я хочу к маме, – на выдохе произнесла Соле и заплакала.

Мужчина посмотрел на Сервёру с укоризной. Он собирался утешить Соле, но женщина остановила его и жестом попросила отступить. Она спустилась и села на ступеньку рядом с девочкой, осторожно заглядывая ей в лицо. Соле отняла пальцы от мокрых щёк и увидела влажные глаза бабушки Сервёры, наполненные мягкостью и сочувствием. Бабушка раскрыла объятия и протянула руки к Соле.

Бабуля прижимала Соле к груди и слегка качала. Так они просидели, пока Соле не успокоилась.

Вчера почтальон вручил мне письмо: мятый, пожелтевший конверт, заштампованный печатями всех цветов и мастей, с маркой давно не существующей страны. Письмо шло тридцать лет и три года, заглянув в почтовые ящики и отбив пороги всех моих прошлых адресов прописки. Отправитель что-то напутал и вместо обратного адреса указал следующее: «Город. Нейтральные воды. Двор с розарием и шиповником. Второй этаж. Зелёный балкон». Детским почерком старательно выведено имя отправителя: Соле.

Я не поверила своим глазам.

Когда-то давно я знала эту девочку. Каждый, кто знакомился с ней, говорил одно и то же: «Хм... Со-ле! – произнесёт, пробуя слоги на вкус. – Какое солёное имя!». Однажды она появилась на пороге квартиры, где доживали свой век старики-постояльцы, и осталась навсегда.

Письмо застало меня в дверях после недельной командировки. Не разрывая конверта, не раздеваясь и не разбирая чемодан, я вышла из дома и отправилась в аэропорт. Спустя пять часов, пересадку и часовой пояс, я оказалась в молодой, маленькой и независимой стране, которой едва минуло за двадцать. В столицу я прибыла уставшей и нервной. Я стояла у касс центрального вокзала, расплачиваясь за билет и сверяя время. От бессонницы и перелёта мир казался нереальным, как во сне. Сейчас я проснусь – и окажусь в своей квартире, и собственная импульсивность покажется глупой выходкой. Но вот билет, вечерний поезд нетерпеливо гудит на перроне, и я в нём.

Моя догадка о гостинице подтвердилась. Здание стоит на прежнем месте: пёстрый фасад не изменился, только обветшал. Холл съёжился, лестница, казавшаяся бесконечной, сейчас совсем не впечатляет, роскошь сменила древность, которую берегут и подчеркивают. Мне начинает казаться, что не было никаких десятилетий, просто пространство и время искривились, и меня снова перенесло из Страны великанов прямоком в забытую мной Лилипутию.

В гостинице я прошу номер на одного. Ключ еле поворачивается в замочной скважине, дверь со скрипом открывается, застряв на середине. Она ни на миллиметр не поддаётся, а на полу остаётся глубокий дугообразный след. Приходится из последних сил проталкивать

чемодан внутрь. Я закрываю дверь и падаю на кровать. Знаю, что не смогу заснуть. Слишком много воспоминаний роится в голове. Они, как голодные чайки, окружили меня, галдят, наскакивают друг на друга, толкаются, борются за право первыми напомнить, как это было.

Я замечаю на занавеске комара. Странно для поздней осени. Может, последний выживший в этом году?

Когда за окном темнело, бабуля гасила свет везде, кроме коридора, и начинала вечерний обход. Она закрывала окна и форточки, проверяла каждую щелочку, и только потом позволяла включить свет в комнатах. Это была первая часть ритуала. Когда постояльцы расходились по комнатам, бабуля брала веник и начинала второй обход. Она с пристрастием рассматривала белоснежный потолок, и если замечала комара, то резко, ловко, без жалости и сожалений накрывала его веником. Так продолжалось до тех пор, пока все комары не были уничтожены. Ритуал повторялся из ночи в ночь, пока не наступали холода.

В номере почти нет мебели: кровать, тумбочка и громоздкое кресло. Такое было в моде в эпоху моих дедов. А ещё такое же было в доме, где росла девчонка с солёным именем. И первые воспоминания связаны именно с ним.

Кресло было гостевым. Огромное, почти двухместное, оно всегда стояло в углу большой комнаты – зала, где бабуля решала вопросы с постояльцами, или обедали всем домом, или смотрели новости и, самое важное, прогноз погоды. У кресла была выгнутая спинка, и оно неплотно примыкало к стене, оставляя небольшой зазор. Соле, в силу роста и возраста, отлично туда помещалась. Первые дни в новом доме она провела, прячась в кроличьей норе.

Через несколько дней после прибытия Соле заболела. Врач долго осматривал её глаза, щупал горло у самого основания черепа, что-то пытался разглядеть в подмышках, потом покачал головой и сказал: «Это желтуха, дорогие мои». Домашние вздрогнули как один. Бабуля так вообще зажала рот руками, а деда всё повторял: «Как же так, как же так?» Соле подумала, что болезнь как-то связана с жёлтым цветом. Возможно, у неё открылась ещё одна ал-лер-гия. Теперь на жёлтое. А ведь недавно ей подарили жёлтый свитер, и честно признаться, он ей очень нравился. А может, это всё из-за куриных желтков, которых она переела на днях? И теперь она медленно превращается в петушка, и жить ей придётся в зоопарке, и кукарекать каждый день ранним утром, извещая мир о рассвете.

А неплохая идея! Всё равно этот дом ей не понравился.

И только она начала воображать прелести перерожденной жизни, как доктор сказал, что ещё неизвестно, насколько запущена болезнь, а для этого нужна гос-пи-та-ли-за-ция. Что это за лизация, Соле не знала, но ей вдруг захотелось, чтобы болезнь была очень запущенной, и она начала превращаться в петушка уже сейчас. Но ничего подобного не случилось.

Через несколько часов ей стало совсем плохо, и в доме появились две отвратительные тётки, одетые по-докторски. От них пахло лекарствами, а из карманов торчали острые иглы шприцев в колпачках. Соле хоть и чувствовала себя слабо, всё же распознала в них поддельных врачей и успела спрятаться в норе. Она слышала, как весь дом ищет её, но не подала и звука. Прошло достаточно времени, но псевдоврачихи не уходили. Одна из них, самая толстая, сжимала в руке Солины красные штаны в крупную клетку. Она ходила по углам, тряся ими, выманивая Соле из укрытия.

Соле сама не поняла, как её обнаружили. Толстуха склонилась над дырой и приторно-ласково уговаривала сдаться. Соле упрямо молчала, вжимаясь всё глубже, как вдруг выгнутая спинка кресла пришла в движение и начала удаляться, а нора озарилась светом. Так её и поймали.

Оказалось, желтуха – это совсем не весело. Ни тебе петушков, ни зоопарка. Единственный плюс: жёлтое всё-таки носить можно. Соле постоянно кололи и давали горькие конфеты.

Где это видано, чтобы конфеты водой запивали?! Ещё заставляли каждый раз звать сестру доктора, если хочется в туалет. У доктора не одна сестра была, а целая больница! Наверное, всю семью сюда работать позвал. Он часто заходил. Качал головой и спрашивал, где это Соле умудрилась желтуху подхватить? Смеясь, трогал за правый бочок, хмурил брови и смотрел куда-то в сторону, а потом снова вопрос повторял и напоследок добавлял поучительно: «Никогда не бери грязные руки в рот! И перед тем как что-то съесть, хорошенько это вымой! Ну, давай, лечись!» И уходил.

Соле почти не помнила больничную жизнь, потому что всё время спала, но она на всю жизнь запомнила жёлтое лицо девочки-подростка. Та постоянно утешала и подбадривала Соле и рассказывала о своей кукле. Говорила, что жить в больнице не так уж плохо. Она здесь уже три месяца, и ничего, привыкла. Следующее, что Соле помнила, как стая врачей ночью прилетела в палату и унесла девочку с собой. Больше Соле её не видела.

Наверное, она выз-до-ро-ве-ла и наконец-то вернулась домой к своей кукле.

А ещё Соле помнила ежедневные визиты бабули с голубым термосом в руке, где дымилось нежное картофельное пюре. И какой вкус был у этого пюре!

Клубы пара вырывались из термоса, обдавали жаром, напоминая о доме, его уюте и тепле. Бабуля с ложки кормила Соле, растягивая удовольствие, приправляя историями о постояльцах и соседях. Соле не знала и половины людей, о которых шла речь, но по заверениям бабули, они все передавали ей привет и ждали скорейшего возвращения.

В конце бабуля доставала книжку и с выражением читала, наделяя каждого героя собственным голосом. Соле смотрела в окно, где было только небо, и воображение рисовало ей далекие берега и страны с удивительными персонажами.

Соле недолго пробыла в больнице. Доктор был приятно удивлён, что организм так быстро победил болезнь. Он хвалил новое лекарство и Соле за терпение и смелость перед уколами. Но Соле-то знала: всё дело – в бабулином пюре.

Есть такие воспоминания, которые хранишь бережнее всего. Воспоминания, которые греют сердце в минуты одиночества или недуга. Такими моментами обычно не делишься, боишься, как бы тепло не расплескать, а только извлекаешь иногда из памяти с нежностью и любовью, как порой старики достают альбом со старыми фотографиями, на которых они молоды, беззаботны и полны надежд. Но пока Соле полна мечтами и ей не о чем сожалеть и нечего забывать. Её коллекция воспоминаний только пополняется.

Когда Соле выписали из больницы и она вернулась домой, её познакомили с постояльцами и Паломой, с приставкой «тётя». Палома рассмеялась, сказав, что тётя она только по статусу, а так до тёти ей ещё далеко, как минимум полвека. Паломе только исполнилось шестнадцать, и она заканчивала школу.

У Соле совсем не было игрушек. Палома весь день разбирала коробки и ящики в подвале и вечером принесла в охапке плюшевого медведя с оторванным ухом, пару кукол и набор посуды. И не какой-то там картонной или из пластика, а настоящей, как у взрослых: железные ложки с поварёшками, кастрюльки и ковшики, и керамические тарелочки с чашками. И ещё буфет. Бабуля сказала, что игрушка так называлась, когда она купила её для Паломы в детстве, но на самом деле это была кухня для кукол. Плита с духовкой, к которой примыкала стена из кафеля, и сверху два шкафчика. Все дверцы открывались, кнопки нажимались, сила игрушечного газа увеличивалась и уменьшалась поворотом регулятора.

Сколько супов и каш-малаш было сварено на этой кухне!

В доме всё и вся подчинялись ритуалам и традициям. Последовательность событий, выстроенная годами и отточенная до совершенства. Вечером, когда домашние были накормлены, напоены и смотрели последние известия, бабуля и Палома закрывались в кухне и варили

кофе. Однажды Соле попросилась к ним и с того вечера стала постоянным участником закрытого кофейного клуба. Это была настоящая церемония. Бабуля и Палома пили кофе горячим, щедро разбавляя молоком и сахаром. Как бы плотно бабуля не закрывала двери и окна, запах проникал в каждый уголок квартиры. Неповторимый и чарующий, таинственный и волшебный, кофейный аромат разносился по окрестностям, пересекал «нейтральные воды» и разбивался об окна дома напротив.

Соле нравились вечерние посиделки: бабуля и Палома говорили вполголоса, мелкими глотками смаковали напиток и обсуждали всякие разности. В первый день своего членства в клубе Соле попросила бабулю разрешить ей отпить глоточек магического напитка, ну хоть чайную ложечку пригубить. Бабуля позволила, и Соле была пленена. Навсегда. На веки вечные. На вечность бесконечную. В общем, на так долго, что ни словом сказать, ни пером описать.

Она стала умолять бабулю сварить ей кофе. В обычной ситуации бабуля была бы непреклонна, но, видимо, кофе преобразил и её. Она посмотрела на часы, потом на Палому, и сказала непривычным тоном полным сомнения:

– Пожалуй, можно дать немного? Как ты считаешь, Палом? Ведь не так поздно, Соле сможет заснуть? Сварим пол-ложечки, молоком разбавим так, что и вкуса не останется. Как ты думаешь?

Палома только пожала плечами, не отрываясь от чашки. Она либо пила его, либо просто держала близко, вдыхая аромат. Бабуля встала и приготовила первый в жизни Соле кофе с молоком. Это было незабываемо!

Но следующим вечером ей было строго отказано в кофе. И сколько бы бабуля ни делала глотков волшебного напитка, ничего не менялось. Её строгость и бескомпромиссность снова взяли верх. На слёзную мольбу она отреагировала жёстко, одарив Соле сердитым взглядом, а напоследок добавила фразу, разбивающую все детские надежды:

– Детям это нельзя! Разговор окончен.

Приговоры из Страны великанов никогда не обжаловались в Лилипутии. Наверное, в этом есть первая трагедия детства – слушать великанов и ждать, когда сам станешь одним из них и начнёшь раздавать запреты направо и налево. В тот самый момент в сердце Соле зародилась главная мечта: поскорее вырасти. Однажды она даже напишет об этом в высшую детскую инстанцию – Старикау Зазимку, а сейчас она расплакалась, низко склонив голову, и очень горько. Она собиралась уйти, но бабуля прижала её к себе.

– Ну, ничего, ничего, – гладила она Соле по спине, а другой рукой утирала слёзы, – я знаю кое-что повкуснее – *чайное кофе!*

– Чайное кофе? – переспросила Соле. – Это как?

– Сейчас я тебе приготовлю, а ты скажешь: похоже на кофе или нет?

Бабуля вскипятила воду, налила в чашку заварку из маленького чайника, которая настоялась за день, обретя чёрный цвет и терпкий вкус. Затем разбавила кипятком, добавила молока, не забыв про сахар. Запах и вкус, конечно, были не кофейными, но приятными. Однако цвет! Цвет был кофейно-молочным. И самое главное: *чайное кофе* можно было пить когда угодно и сколько угодно.

Я не замечаю, как комната посветлела. Несмотря на тяжёлые плотные шторы, утренний свет всё же проникает внутрь, очерчивает контуры пространства, изменяет цвета. Чистый свет нового дня так и просит раздвинуть, сорвать эти гадкие занавески, чтобы дать теплу и свежести наполнить комнату самой жизнью, напомнить ей о былых временах. Я встаю с кровати, подхожу к окну, хватаюсь за шторы и раздвигаю их. Передо мной Город, тот самый, у моря, где осталось детство.

Воспоминания – то же море. Входить надо осторожно, ощупывая ступнями дно, кожей привыкая к воде.

Как только солнце утвердилось в городе, я беру такси и еду в порт.

Еду по Городу и не узнаю. Его давно нет, как и страны, которую принято звать Родиной. Она распалась как несчастливый брак, и Город вернул себе прежнее, девичье имя. Он стал меняться, а люди стали изменять себе. Нет больше той улицы, той площади, того бульвара и проулка. Они осиротели, утратили имена. Пока живо имя, найдутся люди, которые помнят о тебе и могут рассказать твою историю: кем ты был и откуда пришёл.

Человек без воспоминаний – никто. У каждого есть история, которую нельзя переписать. Разве что, забыть. И я забыла. Там, где хранились воспоминания, теперь бескрайнее чувство оторванности и потерянности. Больно возвращаться туда, где ничего нет. Туда, где никого не осталось, кто мог бы рассказать историю девчонки с солёным именем.

Бабуля всегда говорила, если забыл, зачем шёл и куда, надо вернуться в прежнее место и вспомнить.

Помню запах её шершавых горячих рук. Строгость в голосе и снисходительность в выцветших глазах. Размеренный стук. Это стучит сердце дома. Тихое, сонное дыхание, лёгкие шаги, перезвон посуды. Еле заметные прикосновения тарелок. Бабуля накрывает стол к завтраку. Боится разбудить преждевременно, нарушить тишину утра. Но цитрус вперемешку с пряностью уже приятно щекочет нос, а трамвай весело звенит за окном вместо будильника. Приятное эхо из стаи мурашек бежит по спине, ударяется о затылок и разбегается по волосам. Волна за волной. Кажется, открой я глаза – и снова увижу бабулю, разливающую чайное кофе по чашкам. Я дома, мне шесть, день только начался.

Нужно только вернуться...

В порту идёт дождь. Или это бриз? В любом случае, чувство неуютное. Кораблей стало меньше. Лодки, выброшенные на берег. Некоторые лежат на боку, как будто задыхаются без воды, без моря. Песок вязкий и липкий. Даже через ботинки проникают холод и влага. Я вспоминаю, что осенью сильные отливы, поэтому корабли не навещают Город до весны. Моря так мало. И оно подалось вслед за птицами в тёплые края. Небо нависает над портом, угрожающе собирает облака, превращая их в серое войско. Всё же быть дождю.

Много-много лет назад, задолго до рождения Соле, на месте Города была рыбацкая деревня на берегу узкой бухты в форме полумесяца и протяженностью с километр. С обеих сторон дугу обступало плоскогорье. Кто проезжал мимо Города или останавливался на ночь, не подозревали о существовании моря. Местным это было на руку. Они хранили море в секрете.

Маленькая и непримечательная деревушка приглянулась Большой стране только из-за моря. Большая страна предложила деревушке «руку и сердце» и стать одной из девяти жён. Та согласилась. При условии сохранения свобод вероисповедания, традиций, обычаев и языка. Спустя полвека совместной жизни в деревушку стали селиться первые иноземцы.

Иберы бежали от военного диктатора. Деревушка приняла их, предложив облюбовать берег бухты с мягким климатом и затяжным летом. Бухта отдалёно напоминала беженцам родную Иберию. Благодаря иберам деревня быстро превратилась в посёлок с каменными домами. Спустя десять лет в посёлок потянулись греки, спасаясь от гражданской войны. К ним присоединились корейцы, русские и татары. Деревушка высилась вширь и распространялась ввысь, пока однажды не стала Городом. Открывались университеты, строились заводы, появился аэродром.

Бежали в Город со всего света женщины, старики и дети. Больше всего сирот было из Иберии. Им быстро находили приют и семью среди коренных жителей или таких же беженцев. Одной из таких сирот была мама бабули Сервёры – ибера Соледад.

Спустя тридцать шесть лет диктатор умер. Некоторые иберы решили вернуться домой. Но не Соледад. К тому времени она вышла замуж за названного брата из семьи, которая её приютила. Так она осталась в Городе. У них родилась дочь Сервёра.

Сервёра закончила местный университет. Через год она вышла замуж за русского парня, с которым встречалась будучи студенткой. Когда обоим было по двадцать пять лет, у них родился сын – Николас. Но семьи не получилось, и Сервёра с ребёнком вернулась к родителям.

Спустя несколько лет в Город прибыл иберский корабль. Он пришвартовался в порту на неделю. Тем же вечером на берег в компании офицеров сошёл старший лейтенант Атúр, чтобы отпраздновать недавнее повышение. На одной из улиц он увидел Сервёру и остался в Городе навсегда. Они поженились, и у них родилась дочь, которую назвали Паломой, в честь матери Атúра. Атúр полюбил пасынка – Николаса как родного сына и даже хотел усыновить. Но Сервёра строго отрезала: «У Николаса есть отец. Он будет носить его фамилию, пока сам не решит сменить её». Атúр не стал спорить, но продолжал называть Николаса сыном. Когда родилась Палома, Николасу исполнилось десять лет.

Я отворачиваюсь от моря и вижу старые постройки жилого квартала. Между двумя домами есть зазор, через который еле просматривается зелёный балкон второго этажа. Когда-то там жила девчонка с солёным именем.

Глава 2

Дом Соле

Дом, где растёт Соле, – типичная постройка портовой части. Пять этажей в высоту, десять дворов в длину. Один за другим стоят ребром к морю, позволяя ветру гнать бриз напрямиком в сердце города. Дома окружают бульвары или магистрали, и тогда ряд обретает имя: квартал, к которому позже приписываются номер и буква. Никто не понимает, почему именно эта буква и почему именно эта цифра.

Напротив дома Соле стоит пятиэтажный близнец. С начала строительства между ними возникло соперничество, которое вселилось и распространилось между жильцами.

Сначала было соревнование: кого быстрее построят, кого быстрее заселят. После настал черед дворов, палисадников и огородов. Чей красивее, зеленее, уютнее? И так до бесконечности...

Соперничество передавали в наследство от поколения к поколению, и напоминало спорт. Братья-близнецы находятся в пяти минутах от порта, поэтому многие вещи носят морские имена. Например, узкая дорога между домами условно зовётся «нейтральными водами». Никому в голову не приходит, что у улицы есть реальное имя, внесённое в карты города, в честь героя местного фольклора – Орасида.

Здесь заключаются перемирия, объявляются новости, разносятся по дворам и по квартирам. Здесь приветствуют новую жизнь и провожают в последний путь. Здесь встречаются, чтобы никогда не расстаться.

Море создало жителей Города, а люди создали Город. С домами, дворами, традициями.

Что такое душа? Сгусток цветов и линий? Животное? А может, стихия? У всех ли она? И у всех ли одинаковая?

Эта девчонка Соле никогда не слышала о Боге. В доме не молились, не ходили в церковь, не вешали распятий и икон ни у изголовья кровати, ни на стены. Бог жил в восклицаниях, сразу после ахов и вздохов. Иногда повышался в должности до Господа, а временами смягчался до Боже. Бог не давал случиться страшному, советовал побояться Его, обладал волей на всё. Но даже Он не был всемогущим.

Когда упоминания о Нём не помогали сдерживать убегающее молоко и справляться с домашними делами, когда всё валилось из рук и шло наперекосяк, появлялась божья мать.

Соле думала, что если бы она была тем самым Богом-волшебником, ей на помощь обязательно являлась бабуля. Так бы все и говорили: «Бабуля божья, помоги!» Всё вставало бы на места. Страхи испарялись, Бога снова славил, возвещая мир о радости и счастье.

«И всё-таки, почему люди такие разные внутри и откуда берётся различие?» – мучилась вопросом Соле.

Она догадывается: у жителей Города души, как корабли. Именно душа делает человека самим собой. Корабль – это соль человека. Душа растёт вместе с ним. Как и лодочка со временем превращается в корабль. Человек вырастет, уплывёт в Великанию и решит, кем стать. Корабль тоже найдёт себе своё дело. Будет рыбу ловить, или путешествовать. А может, грузы на себе таскать, или спасать жизни других кораблей. Охранять границы и ловить преступников, а может, и вовсе бездельничать на берегу. Всякое бывает.

Вот и получается, у кого-то корабли потерянные, у кого-то – выдавшие виды. У одних – пиратские, у других – рыбацкие. А есть и украденные. Но сколько бы кораблей не существовало, самый частый из них – преданный. Он предан, а его предали, обменяли на деньги, продали во имя долга, ради неверных друзей и непостоянных подруг. А иногда, чтобы попросту выжить.

Целые океаны и моря брошенных и блуждающих кораблей, разлученных со своими капитанами. Остаётся научиться забывать. То, что забыл, не так сильно болит. Так, побаливает. Потом и вовсе перестает беспокоить. Только печали прибавилось, да тоска вечная.

Соле часто качается на воображаемых волнах в своей лодочке. Секретное место, где она мечтает о старшем брате, желает о Великании, собирается с мыслями на совещание, строит теории и выдвигает планы будущего корабля.

Чтобы чувствовать себя как дома, надо стать как домашние. Соле быстро вливается в ритм увядающей жизни, преисполненной сожалением. Такое бывает, когда растёшь в окружении стариков. Она с интересом смотрит программы о здоровье, новости, документальные фильмы, в курсе прогноза погоды и увеличения пенсий. Предпочитает салкам и пряткам книжки и прогулки в скучных парках. К пяти годам она говорит как взрослая, обладает богатым словарным запасом. Знает много фактов о мире, размышляет о нём, строит гипотезы и причинно-следственные связи. Её оскорбляет та чушь, с помощью которой взрослые объясняют сложные вещи. Рождение и смерть.

У Соле на всё своё мнение. Например, взрослые – живут в стране Великанов, а дети – в стране Лилипутов. Молодой и любопытный взгляд Соле устремлён вверх. Где-то там, в вышине, находится другой мир. Оттуда временами к ней обращается уставший, но любящий взгляд с частой сеточкой морщин. Их такие разные взгляды встречаются, и миры соприкасаются.

Несмотря на безграничную власть великанов над лилипутами, есть у последних преимущество. Способность мечтать и желать. Соле точно не знает, в чём разница. То она желает научиться останавливать время, то мечтает съесть мороженое жарким днём. Вне зависимости от ситуации у неё один набор мечтаний.

Старший брат. Это очень ценится среди детей домов-близнецов в «нейтральных водах». Ты автоматически вырастаешь неприкосновенностью. Все дворы открыты, все игрушки подлежат делёжке, а в некоторых случаях обмену. Ты не знаешь никого, но тебя знают все.

Это было бы по-настоящему здорово!

А ещё, знаете, что было бы здорово? Вырасти побыстрее! Оказаться в Великании! Там наверняка так интересно. Каждый день что-то грандиозное и ты сам себе капитан! Хочешь, спишь в обед, а лучше – не спишь. И в садик дурацкий ходить не надо. И, и, и... вот ещё! Покупаешь игрушки, какие хочешь и сколько захочешь! Во-оо... Вот это была бы жизнь! Ох, поскорей бы вырасти.

Соле живёт с бабулей, дедой, их дочкой Паломой и тремя постояльцами.

Палома работает стюардессой, всё время в разъездах.

«Наша Палома, как обычно, в полёте!» – смеётся бабуля, когда кто-то из соседей спрашивает о ней. С недавнего времени Палому перевели на международные рейсы, так что дома она появляется редко и без предупреждения. Но бабуля всегда ждёт её возвращения, готовит с расчётом на Палому, помня о месте за столом.

До того как стать бортпроводницей, Палома училась в старшей школе, была весёлой и непоседливой, носила длинную косу до пояса, чем и прославилась в каждом дворе.

Когда Соле появилась в доме, Паломе исполнилось шестнадцать. Она участвовала во всех школьных мероприятиях, особенно ей нравилась театральная студия. В честь выпуска решили ставить спектакль по мотивам легенды о покровительнице Города – Сирене. На главную роль претендовали Палома и Мария, на два года младше. Обе отличались красотой, актёрскими способностями и роскошными волосами. После нескольких проб было решено отдать роль Паломе, так как её коса длиннее, а это основная черта Сирены.

Мария была в ярости. Она устроила скандал и обещала так просто это не оставить. Режиссёр предложил ей стать дублёршей, на случай, если Палома заболеет, но Мария покинула зал оскорблённой. Ходить на репетиции всё же не перестала. Она сидела в последнем ряду, беззвучно шевеля губами, вторя слово в слово роль Паломы.

Перед премьерой за кулисами Палома открывает шкаф, где хранятся костюмы. С верхней полки на неё высыпаются колючки репейника.

Палома в испуге отпрянула и начала трясти волосами, загоня колючки в глубину густых локонов, путая волоски между собой. Они так плотно впились, что не было иного выхода, как остричь роскошные пряди.

В тот вечер бабуля усадила Палому на стул, завернула в простыню от шеи до ног и взялась за ножницы. С каждым щелчком ножниц Палома вздрагивает и трясётся, будто от неё отрезают часть тела. Локоны скатываются по белой ткани и безжизненно падают на пол.

– Кто это сделал? – спросила Соле, глядя Палому по руке через простыню.

– Ясно кто, – прошипела сквозь слёзы Палома. – Мария!

– У тебя нет доказательств, – вздыхая, сказала бабуля.

– Она хотела роль, и она её получила, – опуская голову к груди, заплакала Палома.

Соле переживала за Палому. Чем глубже было её сочувствие, тем крепче возрастало презрение к Марии.

Она представляет зло очевидным, как тому учат сказки и мультфильмы. Зло выглядит злобно: мрачные одежды, характерная сторбленность, хитрый прищур недобрых глаз, ведьмин смех. Что-то выдаст злого человека. Такой Соле воображалась Мария.

Бабуля дала Паломе время и не заставляла ходить в школу.

Спустя неделю рано утром Палома вышла из дома и вернулась после завтрака. Голову украшала аккуратная стрижка под мальчика, которая на удивление очень ей шла. Причёска оголила длинную и тонкую шею, очертила плечи. Черты лица раскрылись и преобразились. Палома переродилась из подростка в девушку.

Она застала домашних на веранде. После обстоятельного разговора с постояльцем – одиноким лётчиком в отставке – и семейного совета она подала документы в лётную школу. Пожилой одинокий лётчик сделал пару звонков, и Палому приняли в школу стюардесс. В сентябре она собрала вещи и переехала в студенческое общежитие при аэродроме.

Соле тосковала по Паломе, даже когда та приезжала на выходные. Они больше не играли в дочку-матери, не варили супы и каши на игрушечной кухне, они вообще больше не играли: Палома, как и старики, предпочитает смотреть телевизор или разговаривать. Ещё один человек пополнил население Великании, оставив Соле привычные сожаления о старшем брате и мечты о скорейшем взрослении.

Квартира, где живёт Соле, большая, пятикомнатная, с огромной верандой, которая в летнее время служит столовой. Раньше здесь жило две семьи: бабуля и деда, их дети Палома и Николас, родители бабули. Даже прадедушку Соле успела застать.

Когда деда Агур сильно простудился, жизнь семьи изменилась. Он пролежал в больнице и получил осложнение на ноги, точнее на правое колено. Он стал часто брать больничный, не выходить из дома, а потом и вовсе остался здесь навсегда. Веранда и просвет между домами с полоской моря – всё, что ему осталось. Чтобы как-то сводить концы с концами, бабуля сдаёт комнаты постояльцам. Таким же старикам, которые доживают век в одиночестве.

В первой спальне живёт одинокий старик, тот самый военный лётчик. У него ни семьи, ни детей, его никто не навещает. Только однополчане один раз в год. Он проводит время в комнате, иногда выходит на веранду и разговаривает с дедой. Или пропадает целыми днями в порту.

В молодости он управлял истребителем. Его полёты сопряжены с опасностью и повышенной секретностью. Каждый вылет мог быть последним. Как-то раз на танцах он знакомится с девушкой. Они влюбляются друг в друга и проводят вместе ночь. Рано утром ему приносят телеграмму. Срочно явиться на аэродром. Он обещает девушке встретиться с ней в центральном парке ровно в семь, но так и не приходит. Девушка затаила обиду, но через некоторое время снова приходит в парк в надежде увидеть лётчика. Так продолжается довольно долго, а потом девушка исчезает. Спустя три месяца лётчик наконец появляется в городе. Он кажется худым и измотанным. Он возвращается на служебную квартиру. Помнит о девушке и решает разыскать её. Этим же вечером отправляется на танцы, где они познакомились. Но девушки там нет. Одна из подруг узнаёт лётчика. Она груба и неприветлива. Лётчик понимает, в чём дело. Отводит подругу в сторону и объясняет, что служба обязывает сохранять секретность, что он был на задании и никак не мог сообщить, что не сможет прийти на встречу, что она для него много значит, и он обязательно найдёт её, когда вернётся. Оказалось, девушка забеременела в ту их первую и единственную ночь. Она слишком поздно узнала об этом. Приходила в парк, в надежде снова встретить лётчика и рассказать обо всём. Но так и не смогла найти. Он будто сквозь землю провалился. Будто никогда и не существовал. Она решилась на аборт. В то время это было не только незаконно, но и опасно для жизни. Ни денег, ни связей у девушки не было. Через сомнительные знакомства нашла врача-акушера. Он пришёл к ней в общежитие, всё сделал быстро и грязно. Он повредил что-то очень важное, открылось кровотечение. Взял деньги и оставил умирать. Даже «скорую» не вызвал. Её только утром нашли.

Много чего произошло в жизни лётчика с тех пор. Он перебивал на всех войнах, какие только происходили на свете, и из каждого боя возвращался живой и невредимый. Столько лет службы – и ни одного ранения. Он любил повторять: «Когда начинаешь бегать за смертью, смерть бежит от тебя».

Когда пришло время уходить на покой, оказалось, что кроме пенсии, у него ничего нет. Тогда он переехал в Город, нашёл комнату поближе к морю и стал очередным постояльцем.

Во второй комнате живёт пожилая пара. Они не супруги. Она одинокая, незамужняя. «Старая дева», – говорят соседки, такие же бабульки, которые давно схоронили мужей и с гордостью носят звание вдовы. Это даёт им право считать, что жизнь у них удалась. Так говорит бабуля, когда соседки собираются во дворе на вечерний сеанс перемывания костей.

Но речь не о них. Постоялица Тэс никогда не была замужем, потому что всю жизнь любила одного человека. Они знакомы с университета, где учились на одном курсе. Тэс со школьной подругой поступили туда, и первый, с кем познакомилась, был он – Тардёр. Она вмиг влюбилась. И он тоже, только в подругу.

Тардёр с подругой рано поженились, родили единственного сына, вместе по распределению попали на один завод. Когда родилась первая внучка, его жена тяжело заболела. Оказалось, что болезнь давно пожирала её изнутри, и лекарства не действовали. Сначала Тэс помогала ухаживать за ней, а когда её не стало, поддерживала вдовца как могла. Через несколько месяцев у Тардёра родился второй внук, и это смогло вернуть его к жизни и немного заглушить боль утраты. К тому моменту Тэс уже была постоялицей дома Соле, но они по-прежнему часто встречались, гуляли, общались, а однажды решили больше не расставаться. Тардёр переехал к ней, став третьим постояльцем, а квартиру отписал сыну, взяв с него обещание заботиться о Тэс, если он уйдет раньше.

Несмотря на морщины, дряблость и слабую подвижность, они были теми влюблёнными, которые переживают свою первую весну.

Третья комната для Паломы. Поскольку она «как обычно в полёте», там живёт Соле. Из девичьей светёлки комната снова становится детской. Соле заполняет её игрушками, книжками, рисунками, пластинками со сказками и музыкой.

Четвёртая комната пустует. После смерти прадедушки бабуля складировала в ней оставшийся хлам постояльцев.

И наконец, пятая – самая большая комната, или попросту зал. Там живут бабуля и деда, а в дневное время комната служит столовой, зрительным залом, приёмной для гостей и местом проведения значимых событий дома.

Двор, где растёт Соле, мало чем отличается от остальных. Как и все, имеет традиции, уклад и устои. Правую часть двора занимает сад, а левую – палисадник. Сад принадлежит тётке Эс, соседке снизу, а палисадник – тётке Эл, соседке напротив. Первая разводит розы, вторая – шиповник.

Тётя Эл часто и умело ровняет изгородь палисадника. Если силы позволяют, то и изгородь розария. Тётя Эс не заставляет себя долго ждать и во времена особой засухи поливает колючие кусты шиповника.

Весной розарий и шиповник начинают цвести, и двор утопает в благоухании, нежности и свежести молодых побегов. Летом аромат тяжелеет, питаясь солнцем и морским бризом, чтобы осенью пролиться душистой терпкостью ягод шиповника и духом роз.

Тётя Эс живёт одна. Точнее, с чёрной кошкой по имени Багира. И кажется, нет на свете такой нежности, как к Багире. По вечерам они сидят на застеклённой веранде и пристально следят за миром: обе тёмные, тонкие, строгие в своей грациозности.

Главная страсть тётки Эс – розы. Розы всех цветов и сортов. Задолго до появления Соле в доме она посадила в середине сада ряд плетистых кустов цвета вишни. Сорт Скарлетт. «Английские», – не без гордости говорит тётя Эс каждому, кто восхищается ими. Розы быстро прижились и потянулись вверх. Пришлось их подвязать. Каждую весну крепили палку всё выше и выше, пока однажды деда не предложил протянуть к их веранде железные прутья. Теперь, когда Соле смотрит вниз, первое, что она видит – как ковёр из вишнёвых роз тянется к зелёному балкону.

Если в саду тётки Эс царил порядок, то в палисаднике тётки Эл, наоборот, главенствовал хаос. Тётя Эл обладала неоспоримым талантом. Стоило ей воткнуть палку в землю, как она сразу начинала цвести и пахнуть. Так она поступила, как только поселилась в квартире напротив. Она засадила палисадник всем, что попало в руку. И только спустя время ей в голову пришло посадить маленький кустик шиповника.

Если тётя Эс без конца боролась с сорняками, удобряла и питала коллекцию розария, то тётя Эл, наоборот, не прикасалась к земле палисадника, даже забывая поливать. Никто не ожидал, но шиповник быстро разросся. Стал таким огромным, что догнал в росте деревья-старожилы. Запустил колючие ветви в их листву, сплёлся побегами с остальными растениями. Никто не знал, включая тётку Эл, где начинается шиповник и где он заканчивается.

Соле обнаружила секретный лаз между прутьями. Попав туда, она оказывалась под куполом из ягод и цветов. Плотная сеть из веток казалась непроницаемой. В шатре можно было слышать только терпкий аромат ягод и еле заметный запах цветов. Они напоминали Соле о грядущей зиме и чаепитие по вечерам за круглым столом в большой комнате. В такие дни бабуля забывала о кофе и заваривала чай с шиповником, который тётя Эл собирала осенью и раздавала соседям.

Любимое занятие Соле – наблюдение. Каждое утро, когда постояльцы собираются к завтраку, и каждый вечер, когда жара отступает, в маленьком окошке на первом этаже появляется рука тётки Эс со шлангом. Через минуту струи воды превращаются в танцующие линии. Линии рассыпаются по саду, несут живительную влагу и омовение.

Соле обожает следить, как водный поток достигает самых дальних уголков сада. Оживляет цвета, высушенные пеклом. Возвращает им контраст и чистоту. Наполняет жизнью всё вокруг. Для неё это настоящее представление!

В ненастную погоду Соле так же подолгу стоит у окна и размышляет о времени. Замечает, что давно не было лета или зимы, что она почти забыла, каково это – умирать от жары или коченеть от холода. В такие дни она начинает скучать по праздникам, по традициям и обычаям.

Соле кажется, что год ползёт как черепаха. Её удивляют восклицания соседней о том, как быстро летит время. Наверное, у тех, кто быстро ходит и постоянно спешит куда-то, время идёт быстрее. Вот, например, люди из Великании. У них постоянно не хватает времени. Недавно Соле услышала, как одна женщина, стоя в очереди, смогла запыхаться. И добавила устало: «Если бы в сутках было 30 часов, мне и этого было мало!»

У нас, в Лилипутии, времени более чем достаточно. Даже много. Наверное это потому, что дети не могут так быстро ходить или бегать, как взрослые.

А как же старики? Они давно потеряли свою скорость. Их даже ребёнок обгонит.

Вообще, нечестно это! Детям нельзя в Великанию, хотя они во многом обходят стариков.

А может, старики вовсе не из Великании? Может, они вообще живут между мирами?

Это всё потому, что и дети, и старики спят два раза в день. Вот и кажется, что не один день прошёл, а целых два.

А кто решает, что дети выросли и им можно в Великанию? И вообще, как понять, что детство прошло?

Бывает так: вдруг обнаруживаешь, что болячек на коленях меньше. Раньше только шорты наденешь, как колени сразу окрашиваются в красное. Затем чернеют, покрываются коркой. Дети любят рассматривать их друг у друга, хвастаться, как воины ранами, полученными в боях. Они искренне гордятся у кого их больше, с мужеством сдирают бурую корку, чтобы разбить колени вновь. Ребягня считала это наградой за прожитое лето, где ни минуты не было потеряно или потрачено зря. Так история пишется на детских коленях.

Со временем замечаешь, что колени всё реже покрываются ранками и краснеют. Однажды они побелеют навсегда. Не то чтобы лето закончилось, просто детство прошло.

А дальше изменятся вкусы. То, что раньше считалось редкостной гадостью, станет полезным. Горечь победит сладость, острота будет способствовать пищеварению, фрукты после шести не усваиваться.

Вот, например, эта девчонка, Соле, больше всех любила хурму, халву и арахис. Но в первый год своего взросления потеряла всякий интерес к хурме. Стало казаться, что ничего, кроме вязкости, в ней нет.

Следом – халва. Соле долго не могла запомнить название. Слишком сложное сочетание звуков. Поэтому она решила придумать другое имя – земля. Земля – отлично подойдёт. Они и вправду имеют сходство: цвет, ломкость, сухость. Если бы у почвы был вкус, то был бы именно таким, сладким с терпким оттенком.

Когда халва снова наполнила прилавки, Соле вдруг ощутила безразличие. В тот год она наконец-то выговорила её сложное имя.

С арахисом вообще произошла мистическая история. Арахис в Город привозили в скорлупе. Всем домом они собирались на веранде и начинали колоть орехи. Никто не объявлял начало игры, но негласно шло соревнование за звание «Поглотитель арахиса». Всё просто: у кого самая большая куча из скорлупы, тот и выиграл. Приза не было, но к победителю весь вечер проявляли особое почтение. Ему первому наливали чай, тарелку с печеньем подвигали поближе, и даже разрешали не мыть за собой чашку!

Соле никогда не выигрывала, но каждый раз готовилась к реваншу.

А потом арахис исчез с прилавков. В газетах появились статьи, что в скорлупе обнаружили каких-то опасных жуков. Было принято решение продавать арахис очищенным и обработанным. Вкус был уже не тот, да и есть очищенный арахис не так интересно. В тот год бабуля

высыпала остатки настоящего арахиса, и они в последний раз сыграли в «Поглотителя». Соле выиграла.

Небо враз потемнело, и я ощущаю знакомые нотки приближающегося шторма и первые капли дождя. Я ускоряю шаг. Слышу, как море бьётся о волнорезы. Я оглядываюсь по сторонам и вижу единственное кафе. Огонёк вывески приветливо светит, как маяк заблудшим кораблям.

В кафе тихо и уютно. Ничего не изменилось, только постарело. Над стойкой висит гирлянда с прошлого нового года. Нелепо и неуместно. Почему-то изображение пляжа и пальм не так раздражает в новый год, как забытые ёлочные игрушки летом. Я смотрю через панорамное окно. Дождь усиливается.

*Заказываю **чайное кофе** и достаю из сумки письмо в растрёпанном конверте. Я разрываю конверт и достаю пачку страниц, исписанных с обеих сторон ровным почерком. Бегло читаю первые строки. Они хранят воспоминания о людях, которые слишком долго пребывали в ссылке забвения. Я знала этих людей. И мне хотелось бы рассказать вам о них. Я верю, что они помогут мне вспомнить ту шестилетнюю девчонку с солёным именем и встретиться с ней вновь.*

И начну я с лучшей девчушки на Земле...

Глава 3

Лучшая девушка на Земле

С большой дороги на нейтральные воды сворачивает женщина. Никто не мог назвать её возраст. Впереди вприпрыжку несутся мальчики-близнецы, которых женщина окликает каждый раз, стоит им удалиться от неё. В крепких руках она несёт сумки, набитые едой. Из-под плаща виднеется край передника поверх тёмной шерстяной юбки. Досталась от мамы. Давно вышла из моды.

Женщина остановилась. Поставила сумки на землю и вздохнула. Ладонью вытерла невидимый пот со лба, зацепив шёлковую косынку на голове. Платок съехал на затылок и высвободил пшеничные пряди волос. Прямые, они легли вдоль скул и омолодили девичьи черты. Для матери близнецов девушка была совсем юной. Но тяжёлая внешность, доставшаяся от отца, и манера одеваться прибавляли годы. Смирение и грусть застыли в ясных глазах, сковали угрюмый рот, сдвинули брови.

Эта Дора и вправду выглядела странно. Но те немногие, кто знал её, считали лучшей девушкой на Земле. Мать умерла, когда ей исполнилось двенадцать, и забота об отце и братьях-близнецах легла на плечи Доры. Чтобы справиться с горем, отец с головой ушёл в работу, а Дора – в быт.

Соседи сочувствовали Доре и жалели её. С годами жалость сменилась уважением и гордостью, а сейчас Дору повсюду преследовали любопытные взгляды, шёпот за спиной и сплетни.

Грубоватая внешность, отсутствие всякой женской прелести и стиля делали Дору воплощением дома, с его бесконечными заботами и хлопотами. Подруг тоже не было. Не было времени заводить их.

Соле любила Дору и всякий раз бежала навстречу, когда та появлялась из-за угла.

Однажды Соле забралась в палисадник тёти Эл, под купол раскидистого шиповника. Сквозь заросли проглядывалась скамейка, спинка которой срослась с палисадником. Лавочка пряталась от любопытных глаз под навесом из густых веток и плотной листвы. Влюблённые парочки уединялись здесь по вечерам; студенты неумело смолили первые сигареты; пенсионеры прятались в прохладной тени.

В тот день скамейку облюбовала компания подружек. Набухшие бутоны шиповника шли их красоте, предвосхищали шестнадцатую весну. Привлекательность девушек была неопытна, тем и опасна. Она не знала отказа. Тяжело отвергать красоту. Ходят слухи, что однажды она спасёт мир.

Девчонки шептались и смеялись, но вдруг замолчали.

– Смотрите! Дора, – сказала одна.

– Какая же она всё-таки некрасивая, – подтвердила вторая.

– Она не некрасивая, – перебил третий голос, – она просто страшная!

И они снова рассмеялись.

– А давайте разыграем её? – вкрадчиво предложил четвёртый голос.

Он звучал уверенно. Владелица не спрашивала, а повелевала. Даже через густую непроницаемость зарослей Соле уловила знакомые капризные нотки манерного тона, которому не угодишь. Это был голос Марии.

После истории с Паломой прошло два года, но ведьмы и чудовища в придуманных Соле сказках по-прежнему именовались Мариями. Даже если это был сам король гоблинов. На это у Соле были личные основания.

Однажды в один из дворов вывалили гору песка для бетонирования стоянки. Девтора сбежалась отовсюду. Они рыли туннели, прокладывали дороги, возводили замки и города. Соле вместе с другими пятилетками строила башни. Вдруг их строения начали рушиться под колесами игрушечного грузовика. Мальчишка в форме первоклассника таранил всё на своём пути. Только он замечал песочные постройки, как грузовик спешил стереть их с лица земли, обратить в песок. Соле встала перед башенкой и плотно сдвинула ступни, защищая строение. Грузовик упёрся в Солины ботинки на толстой подошве.

– Уступи дорррогу, – закричал мальчишка, не поднимая глаз на Соле, – бррр... брум-брум! – рычал он, изображая рёв мотора. – С доррроги!

– Нет! – возразила Соле. – Это моя башня! Мальчишки с машинками играют с другой стороны, а здесь строят.

Первоклашка посмотрел на Соле, а потом поднялся на ноги, выпрямился во весь рост и оказался на голову выше Соле.

– И кто это у нас такой смелый? – спросил он, напирая всем телом на Соле. – Ты вообще кто такая?

– Я Соле, – бесстрашно ответила она в лицо мальчишке.

– Соле? – усмехнулся он. – Сиротка Соле?

– Я не сиротка, – смутилась Соле. Никто прежде не называл её так. Может, это национальность такая?

– Как же не сиротка? – притворно удивился мальчишка. – И где же твои мама и папа, а? Соле не знала, что на это сказать.

– Соле-сиротка, Соле-сиротка! – начал дразниться мальчишка и смеяться, показывая на Соле пальцем.

– Мальдир! – окрикнул мальчишку женский голос.

Мальдир обернулся и Соле тоже. Неподалеку от них стояла настоящая принцесса. Вечернее солнце светило ей в спину, но Соле казалось, что свечение исходит от девушки. Она сделала несколько шагов и приблизилась к песочнице. Как по заклинанию подул лёгкий ветерок, и роскошные длинные волосы принцессы пришли в движение, заструились по плечам, пошли волной вдоль спины. Волосы подобной красоты Соле уже видела раньше. У Паломы.

Большие карие глаза незнакомки с разрезом как у лисы, каким отличались и славились коренные жители, смотрели надменно и величаво. Было не ясно, то ли девушка устала, или в дурном настроении, или ей скучно.

– Мальдир, – цыкнула языком девушка, – тебя мама зовёт. Да и вообще, пора домой, – сказала она капризным тоном.

Соле перевела взгляд на мальчишку. Между ним и принцессой угадывалось сходство.

– Блин, – протянул Мальдир с досадой, – я только разыгрался!

– Завтра доиграешь, – со вздохом недовольно ответила девушка. – Я тебе не сестра, а кухня. Так что не обязана с тобой нянчиться! Пошли, давай!

Мальдир пнул песок так, что тот рассыпался вокруг и попал детям в лицо. В том числе и на Соле.

– С тобой завтра разберусь, – грозно прошептал он Соле на прощание и прокричал: – Соле-сиротка, Соле-сиротка! Мария, смотри, это Соле-сиротка!

Соле разинула рот от удивления. Мария? Ни мрачных одежд, ни сутулости, ни ведьминого смеха, а только неопишуемая красота и волосы, как у настоящей Сирены из легенды. Мария снова цыкнула языком и закатила глаза, но всё же перевела взгляд на Соле и посмотрела разочарованно:

– Сиротка как сиротка, ничего интересного, – манерно сказала Мария, потом развернулась и ушла.

Обида затопила Соле и выступила на глазах. Она бросила лопатку на песок и убежала прочь. А мальчишка всё кричал ей вслед обидное прозвище и смеялся.

Соле вбежала в дом. Слезы жгли щёки. Деда разгадывал кроссворд на диване, а бабуля что-то штопала за столом. Соле вошла в зал и крикнула с порога:

– Я что, правда сиротка?

Первым обрёл дар речи деда.

– Кто тебе это сказал?

– Мальдир!

– Ну, какая же ты сиротка, – вступила бабуля, обнимая Соле и вытирая слёзы с её лица. – Сироты – это те дети, у кого вообще нет родных. А у тебя, смотри, какая большая семья: я, деда, Палома и другие родственники, которые приезжают к нам на праздники. У тебя самая большая семья среди наших домов!

– Тогда почему Мальдир назвал меня Соле-сиротка? – не унималась Соле. – Он сказал, раз у меня нет мамы и папы, то я сиротка.

Бабуля и деда переглянулись. Бабуля хотела сказать что-то ободряющее, но слова комом застряли в горле.

– Да уж лучше быть без родителей, – закричал деда, – чем иметь отца-уголовника и мать-алкоголичку, каких имеет Мальдир! – и он с силой ударил по столу так, что стеклянные дверцы серванта затряслись.

– Агёр! – воскликнула бабуля. – Успокойся, не нервничай, а то давление поднимется, – и она оставила Соле, под села на диван и взяла деда за руку.

– Я им покажу! – гремел деда, а бабуля всё гладила и успокаивала его. Соле скрылась в коридоре, нашёптывая себе под нос какое-то заклинание.

На следующий день песочная гора никуда не исчезла, и детвора, радуясь продолжению веселья, глубже зарывалась в песок. Соле принесла с собой набор формочек и разыграла настоящую кондитерскую, украшала десерты камушками и листиками. Но вдруг на вершине насыпи появился Мальдир и его грузовик-разрушитель. Соле подобралась вся, но внешне не подала виду. Разогнав малышню и разрушив их хрупкие постройки, Мальдир двинул на Соле.

– А вот и Соле-сиррротка, – прокричал он на всю улицу.

Соле встала с земли и выпрямилась, скрестила руки на груди и также прокричала на всю округу:

– Да уж лучше быть сироткой, чем иметь отца-уголовника и мать-алкоголичку, как ты!

По правде говоря, Соле не понимала значения слов «уголовник» и «алкоголичка», но из уст деда они прозвучали намного обиднее, чем слово «сиротка». Слова попали в цель. Взрослые и дети, кто был рядом, разом замолчали и обернулись на Соле и Мальдира. Мальдир тоже онемел и пошёл красными пятнами. Глаза наполнились влагой, и он тщетно пытался сдержать её. Оттого и краснел.

– Ты плохая! Соле-с... – запнулся он. – Я всё про тебя расскажу! – и убежал.

Больше никто и никогда, от малышни до старших детей двух домов и нейтральных вод, не посмел называть Соле сироткой.

Соле вспомнила первую встречу с Марией, как только услышала её голос. Она скорчила рожицу в знак презрения и снова прислушалась к разговору девчонок.

– А как мы разыграем Дору? – спросил кто-то из них.

– Я на днях слышала, – сказала шёпотом Мария, – как почтальонша рассказывала моей маме, что у Доры появился поклонник.

– Да ладно!

– Не может быть!

– Откуда?

Вопросы так и сыпались.

– Слушайте дальше! – продолжила Мария. – Она нашла его в газете, где дают объявления о знакомствах. Они стали переписываться, и спустя несколько писем он попросил прислать фото.

– И? – в один голос воскликнули девочки, подавшись вперед.

– Она прислала фото, и переписка на этом оборвалась. Она стала слать ему по письму в неделю, телеграммы, но он не отвечал, а потом письма вернулись с печатью: адресат здесь больше не проживает.

– Вот это да!

– Ну, Дора и дура!

– Кто бы мог подумать!

Голоса стихли, наполнив воздух тревожным ожиданием.

– А почему он перестал писать? – спросила одна из подружек.

– А разве не понятно? – цыкнула Мария. – Он увидел фото, узнал, какая она страшная, и всё! Конец истории.

– А при чём здесь розыгрыш?

– Я предлагаю... – и тут Мария понизила голос и заговорила совсем тихо.

Как Соле ни старалась, ничего не смогла разобрать. Подружки недолго секретничали, а в конце разразились таким смехом, что у Соле холод пробежал по спине.

– О, смотрите, она возвращается.

– Просто подыграйте мне, – кинула Мария второпях.

Дора поравнялась со скамейкой.

– Привет, Дора! Как дела?

– Привет, Мария. Хорошо. Спасибо.

– Можно тебя на минутку?

– У меня нет времени, – насторожилась Дора.

– Это недолго, – мило улыбалась Мария.

Дора замерла в нерешительности, но потом сделала шаг в сторону лавочки.

– Что у тебя?

– Тут кое-кто спрашивал о тебе, – и Мария переглянулась с подружками, призывая их в свидетели.

– Кто? – невозмутимо спросила Дора.

– Мужчина. Он спросил, живёт ли в этом доме, на третьем этаже, девушка Дора. Мы спросили его, кто он и что ему надо. И он сказал, что он твой друг.

Мария сделала паузу, всматриваясь в лицо жертвы.

– Друг по переписке, – медленно, смакуя каждое слово, сказала Мария, и оскал хищницы прорезался на её красивом лице.

– Что? – прохрипела Дора.

Голос оставил её, а лицо побелело. Она выронила сумки и, качаясь, пошла в сторону дороги. Потом остановилась и посмотрела на подружек:

– Это очень злая шутка.

Вдруг откуда-то из-под земли раздались глухие крики.

– Дора! Дорочка, подожди меня! – кричал детский голос из глубины зарослей.

И в следующее мгновение, царапаясь об иглы шиповника, показалась Соле, с обломками веточек и лепестков в волосах. Соле, теряя обувь, сначала рванула вслед за Дорой, но передумав, вернулась. Подобрала сумки, взвалила на плечи, одарив компанию злобным взглядом:

– Ух! Вот был бы у меня старший брат, он бы вам показал! – и она погрозила им кулачком, а потом, махнув рукой, убежала.

Подружки переглянулись и в следующую минуту уже весело болтали, позабыв обо всем.

Соле нашла Дору у подъезда. Та устало облокотилась о стену, смотрела в пустоту. Она хотела взять у Соле сумки, но не смогла, руки не слушались.

– Дорочка, ты не переживай, я помогу. Я донесу! Мне не тяжело.

Они медленно поднялись в квартиру. Соле много раз наблюдала, куда Дора кладёт продукты. Она быстро разобрала сумки, а до чего не смогла дотянуться, оставила на столе. Когда Соле вернулась в комнату, Дора лежала на кровати лицом к стене. Соле приблизилась и тихонько села рядом.

Она заметила, что верхний ящик стола открыт и оттуда выглядывают уголки конвертов. Один из них перевесился через борт, готовый к прыжку. Соле подошла к столу и хотела сложить письма обратно, но Дора попросила принести их.

– Положи на кровать, – тихо и как-то безжизненно произнесла она.

Соле увидела огромную синюю печать на лицевой части конверта. Она пролистала следующий конверт: то же самое. Следующий. Следующий. Все, кроме последних трёх. Соле внимательно посмотрела на адрес отправителя. У Доры и Соле были абсолютно одинаковые адреса, за исключением номера квартиры. Всё дело в печати: слишком большая для такого конверта. Холодные синие чернила с грубыми буквами. Соле была знакома печать, и что она значит.

– Он перестал писать, потому что умер, – спросила Соле, – да?

Дора обернулась. Ясные глаза горели слезами. К смирению и вечной грусти прибавилась скорбь. С таким трудом нашла, и так скоро потеряла.

Соле осталось только раскрыть объятия для лучшей девушки на Земле.

Глава 4

Сёстры

В соседнем подъезде, вровень с зелёным балконом, к которому ковром тянулись розы, жила другая семья. Там росли две девочки: старшая Серафима и младшая Глория.

Соле и Серафима быстро подружились. Несмотря на то, что Серафима была выше и намного старше, у них было много общего. Она превосходно разбиралась в играх, придумывала разные забавы и с упоением участвовала во всех детских шалостях. Но потом Серафима начала меняться. Всего за год грудь и бедра округлились, проявилась девичья стройность, даже запах стал другим. На глазах у Соле происходило настоящее превращение Серафимы в женщину. «Ещё немного, и Серафима станет совсем взрослой, – с грустью думала Соле, – и будет жить среди великанов. Ей будет не до малышни».

Для Соле время тоже не стояло на месте, и она росла вместе с ним. Менялись её интересы и увлечения, но только не увлечения Серафимы. Соле смотрела на себя в зеркало за закрытой дверью ванной и не понимала, почему её тело не преобразуется, ведь она всё чаще превосходит Серафиму в играх и в сообразительности.

Однажды она наблюдала с балкона, как младшая сестра Серафимы – Глория – в компании одноклассниц возвращается из школы. Бабуля разбирала картошку на веранде, и Соле спросила, не сводя глаз с Глории:

– Вот Глория младше Серафимы, так? – пустилась она в рассуждения.

– Всё так, – проговорила бабуля, придирчиво рассматривая картофелины.

– Тогда почему она не дружит со мной, а Серафима дружит? – и она обернулась к бабуле и серьёзно посмотрела на неё.

Бабуля разогнула спину и придвинула тяжёлые очки к переносице.

– Видишь ли, Соле, – начала она, вздыхая, – Серафима необычная девочка. Таких называют «отсталыми». Серафима только внешне кажется взрослой, а на самом деле, внутри она всё ещё пятилетний ребёнок.

Соле нахмурилась.

Ей представился скорый поезд «Лилипутия – Великания» с повзрослевшими пассажирами внутри. Поезд выпускает пар, гудит, оповещает провожающих об отправлении. Жители Лилипутии задрали головы вверх, куда уходили рельсы, и махали руками братьям, сёстрам и друзьям на прощание. Поезд трогается, быстро набирает скорость. Тут на перрон вбегает Серафима. Она бежит за поездом и кричит машинисту, чтобы он подождет. Но поезд ускоряется и скрывается в облаках. Так Серафима навсегда *отстала* от поезда в Великанию и осталась в Лилипутии.

Младшая Глория была полной противоположностью старшей сестры. Обладала отстранённой красотой. Одни считали Глорию загадочной, другие – высокомерной, третьи – что «всё это напускное». В её детском сердце рано поселилась злоба, после того, как она поняла, что старшая сестра подвела её. А чуть позже в семье случилось страшное и необъяснимое происшествие.

Однажды утром ушёл из дома и не вернулся их папа. Просто исчез. Испарился. Даже спустя много лет его так и не найдут, и он пополнит список «пропавших без вести». С тех пор Глории пришлось стать старшей для Серафимы: отводить и забирать из школы, защищать от жестокости мальчишек и насмешек девчонок, объяснять, что нельзя есть грязь на улице и разговаривать с незнакомцами. Когда Глории исполнилось десять, всё изменилось. Она стала открыто избегать Серафиму, перестала звать гулять, больше не знакомила с друзьями, даже

дома они больше не играли вместе. Она решила, что отныне Серафима должна сама выживать в этом мире двух домов и нейтральных вод. Поэтому многие не догадывались об их родстве.

Глория никогда не осуждала отца за то, что он их бросил. Больше того, она понимала его, и если бы была на его месте, поступила бы так же. Она смогла отстраниться от сестры, скрыть стыд за маской безразличия, а отец не смог. У него больше не было сил терпеть унижения из-за больного ребёнка.

Однажды Соле стала свидетелем сцены, разыгравшейся между сёстрами.

Глория с подружками сидели на скамейке во дворе Соле, а вокруг столпились взрослые ребята, студенты-первокурсники. Они смеялись, флиртовали и подшучивали друг над другом. Соле играла в саду тёти Эс и через прогалины в изгороди видела спины ребят и лица некоторых девчонок. А потом она увидела Серафиму, которая шла вдоль дома. Соле хотела выскочить из-за ограды, чтобы напугать в шутку, но Серафима вдруг остановилась и посмотрела в сторону компании. Она разглядела среди ребят Глорию и, радостная, вошла во двор. Парни первыми заметили её приближение. Они развернулись с нескрываемым удивлением и с бесстыдным любопытством стали разглядывать Серафиму.

– Привет, – сказала Серафима и помахала всем рукой, хоть и находилась в двух шагах.

Молодые люди смотрели с недоумением. Перед ними стояла взрослая девушка, возможно даже старше их, но с манерами пятилетнего ребёнка, в платье не по возрасту, с выпирающей грудью, которую давно следовало прикрывать лифчиком. Кто-то прыснул, и хихиканье прокатилось по компании.

– Ты откуда такая? – спросил один.

– Я к Гло. Меня Серафима зовут, – приветливо ответила она.

– Чего тебе? – грубо выкрикнула Глория из-за спины самого высокого парня.

– Ничего. Просто хочу с вами посидеть.

– С нами нельзя, – не меняя тона, сказала Глория.

– Почему же? – возразил высокий с повадками жоака. – Расскажи нам, Серафима, откуда у тебя такое платье?

– Мама купила! – с гордостью ответила та. – Смотрите, тут два подъюбника, – и она приподняла верхнюю юбку.

– Не может быть! – воскликнул парень и зачем-то подмигнул друзьям.

Остальные кусали кулаки, чтобы не взорваться от смеха.

– Элли́н, не надо, – вмешалась Мария. Соле не сразу заметила её среди молодёжи. – Оставь девчонку в покое!

Никто не обратил на неё внимания. Тогда она сделала последнюю попытку и пристально посмотрела на Глорию:

– Да мне всё равно, – как можно равнодушнее сказала Мария, – просто как-то скучно стало.

– Подожди, сейчас станет весело! – ответил Элли́н и тут же обратился к Серафиме: – Я что-то не рассмотрел твоих подъюбников. Можешь показать ещё раз?

– Ага, – радостно ответила Серафима, обрадованная таким интересом.

Она задрала верхнюю юбку, показав две нижние, ткань на которых была тоньше и прозрачнее предыдущей.

– Ты уверена, что у тебя только два подъюбника?

– Да! – без сомнения ответила Серафима.

– А мне кажется, я вижу ещё один.

Серафима растерянно посмотрела на Элли́на, потом с сомнением на свои юбки.

– Подними их все, а я тебе скажу, есть ли там третья или нет.

Серафима начала задира́ть юбки, всё больше оголяя бедра.

– Выше! Ничего не видно! – подбадривал Элли́н.

Соле вплотную придвинулась к изгороди. Испуганные глаза метались с Серафимы на Глорию. Последняя сидела за спинами ребят мрачная, скованная собственными руками. Глаза опущены. Лицо пылало. Это нужно скорее остановить. Так нельзя. Это неправильно. Несправедливо. Чтобы не закричать от бессилия, Соле зажмурилась что было сил.

Вдруг двор оглушил яростный крик. Расталкивая парней в стороны, Глория заорала Серафиме прямо в лицо:

– А ну пошла вон!

Все замерли в оцепенении, а Соле распахнула глаза.

– Пошла вот отсюда... – запнулась Глория. – Уррродка!!!

Как пушечное ядро по мощности сравнимое с миллионом атомных бомб, извергла она последнее слово и попала прямо в цель. Серафима убежала. Глория развернулась и села на прежнее место. Никто не смел проронить ни слова. Казалось, Глория дымится после произведенного ею залпа, и все боялись, как бы остатки ярости не обратились на них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.